

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

ОРГАН МК И МГК ВКП(б), МОСОБЛИСПОЛКОМА И МОССОВЕТА

И Ю Л Ъ

15

суббота

1939 г.

№ 109

ЦЕНА 10 КОП.

А. П. ЧЕХОВ

Однажды, слушая речь Дунаевского, В. И. Ленин записал: «Русское безверие» (Чехов). Эти краткие слова раскрывают и эпоху, породившую творчество замечательного художника, и характерные черты его творческого облика.

Да, Чехов порожден «русским безверием», воспоминаниями годами, эпохой, когда он юной вступал в жизнь. Это была пора, когда старые идеалы уже обветшали, когда народничество распадалось и начинало скатываться на либеральные позиции. Формирование кадров пролетариата, свет идей марксизма были видны лишь небольшой части интеллигенции. В своем большинстве российская интеллигенция или открыто подалась вправо, или проповедывала идеи «малых дел», или предавалась отчаянию. Наслов писал свои искривленные, но скорбные и достаточно выразительные стихи о разрушенных идеалах. Гаршин, сердце которого было потрясено ложью и несправедливостью жизни, писал свои возмущенные рассказы о бесподобности мечтаний.

Чехов идеально родился примерно в это же время, однако он не ограничился, как Гаршин и Наслов, скорбным признанием безнадёжности. Жизнь вызвала в нем не отчаяние, а жажду иной действительности, стремление к новому существованию. Студент Московского университета, а затем начинающий врач, Чехов, впрочем, и не ставил перед собой в начале творческого пути серьезных и сложных социальных вопросов. Он был молод и жизнерадостен, и несовершенство жизни вызывало его веселый и порою даже безобидный смех.

Юмористика восьмидесятых годов все-таки резко отличалась от сатиры предшествующих десятилетий. «Свисток» и «Искра» шестидесятников, резко бичевавшие правительство, чиновничество и весь феодально-бюрократический строй, замечательные «Стрекозы» и «Будильники», которые описывали толку купцов с переносом, доносили женщин и заключенных мужей, боги своей тещи.

★ Чехов не мог не отметить дань этой тематике, хотя и в рассказах подобного типа он резко выделялся из ряда других авторов меткостью наблюдений и изяществом шутки. Но острая наблюдательность и сила дарования толкали его к созданию сцен и рассказов, которые выходили за рамки интересов его соратников по журналам. В отдаленности достаточно невинные, они в совокупности рисовали официальную и мешанскую Россию восьмидесятых годов.

Чехов смеялся над трусостью русского обывателя, который приходит в ужас, когда врачи говорят о необходимости «перемешать режим» его жизни: типичный больной бежит к окну, чтобы посмотреть, не подсауливает ли помощник дворянка «красовые речи» докторов. Он говорит о запуганности мелкого чиновника, который даже с приятелем своего детства не может говорить нормальным человеческим тоном, когда узнает, что тот в высоких чинах («Толстый и тонкий»). Эта запуганность приводит к похищению, и жалкий полицейский чиновник, страшный для обывателей и ничтожный перед лицом сильных мира сего, не знает, как ему поступить с пропавшейся сапожкой. — то, ли ее уничтожить, если она «бродячий скот», то ли восторгаться ею, если она принадлежит генералу («Хамелеон»).

В этой же трусости коренится ослепленность обывателей к доносу. Ванин, услышавший разглагольствования некоей длиннонозой фигуры о безнравственности, сочетающейся с благородством души, твердо убежден, что перед ним один из «англич» — социалдемократов. Он уже готов позвать для составления протокола помощника пристава, и к своему ужасу узнает, что принял за революционера отца дядюна. Особенно великолепно его извращение, когда он в порыве раскаяния признается священной особе в своем гнусном подозрении: он глумился, что у отца дядюна «в голове естидеи» («В бале»).

Так, в отдаленности смешные, эти рассказы в своей совокупности становились

резким обличением пошлости российской обывательщины восьмидесятых годов. Это прекрасно понял и гениальный читатель Чехова-юмориста — Горький, который сказал, что Чехов «... уже в первых рассказах своих умел открыть в туском море пошлости ее трагическо-жизненные шутки». Так в проницательном отношении к действительности зарождалась скорбная мысль о жизни; так в Чехове-юмористе зарождался Чехов — новеллист и драматург. Но юмор не исчезал и из поздних произведений замечательного писателя. Он своеобразно окрашивал его скорбные раздумья, он придавал особые пленительно-своеобразные черты всему его творческому облику.

Широкие слои трущобных масс, менее знакомые Чехову женщине, в меньшей степени отразились и в его рассказах поры творческого расцвета. Но, гуманный человек и передовой писатель, Чехов не мог не видеть всего ужаса и несправедливости жизни рабочих. В рассказе «Три года» устами одного из персонажей он высказывает надежду на то время, когда «нынешнее положение фабричных рабочих будет представлять таким же абсурдом, как нам теперь крепостное право». В другом рассказе он ставит ту же проблему еще острее. Его героя, московского врача-доцента, возмущает, что тысячи рабочих в пяти огромных фабричных корпусах должны изготавлять «сплохой ситец для того только, чтобы Христина (Интрепенна) могла кушать стерлядь и пить мадеру» («Случай из практики»). Но, указывая на такую заостренность по классовые противоречия современности, Чехов не сумел сделать революционные выводы.

Более широкое значение в творчестве Чехова имела тема — крестьянство. Современники эпохи распада старого народного чувства, Чехов был совершенно чужд той сушальности и слащавой идеализации крестьянина, которые так характерны для писателей типа Златовратского и др. Разрушая легенды о мудром мужике, нападая на правду и счастье, Чехов рисовал тусклую и несчастную жизнь деревни. Он еше в раннем рассказе изображал «зловещенника», который по неведению снимает с рылосов гайки для своих надобностей, вызывая тем крушение поездов. Чехов говорит о той пропасти между городом и деревней, которую образовали го-

ды угнетения и бедствия, и ему совершенно ясно, что добрыми словами и мелкими дедами благотворительности этой пропасти не уничтожить («Новая дача»).

Наиболее полную и яркую картину темноты и нищеты деревни он дал в своей замечательной повести «Мужики». Это был необычайный по яркости рассказ о голоде, пьянстве, невежестве и беспомощности старой, забалаченной деревни. Рассказ всколыхнул общественную мысль. Представитель обществуемого народничества, критик Михайловский, обобщив рассказ, увидел в нем поклон на русскую деревню. Передовой критик Богданович понял большое значение рассказа в борьбе с вредными иллюзиями народничества. Но все дело в том, что сам Чехов, при всей яркости своей картины, не увидел деревни в целом. Гуманист и чуткий художник, он правильно указал на черты вызванной помещичьим строем деградации в деревенской жизни. Все же он не заметил роста прогрессивных сил деревни. Он видел несправедливость, но, как и при изображении рабочих, не указывал революционных перспектив.

В центре внимания Чехова находилась та социальная слой, который его был наиболее знаком, — российская мелкобуржуазная интеллигенция. Ее-то он прежде всего и рисует с замечательной яркостью художественной изобразительности. Это не люди большого творческого дела, а обыкновенные обыватели, люди средней руки, средних мыслей и средних желаний. Вот эта мешанская интеллигенция и заполняет рассказы и пьесы Чехова. Чехов выступал не только изобразителем, но и разоблачителем ее.

Пороки российской интеллигенции обусловлены отсутствием идейности и широкими жизненными целями. В рассказе «Ионыч» изображается семья Турканин, которая на фоне провинциального общества кажется более культурной и интеллектуальной: отец забавно шутит, мать пишет романы, а дочка играет на рояле. Но Чехов умеет раскрыть истинный облик своих персонажей, показать их полноту и безграничную пошлость.

Пустота этой жизни создается алогичностью и запуганностью. Герои Чехова боялись жизни, они прячутся от ее требований

в футляр быта, узаконенный и широчайший. Знаменитый Беликов сам по себе ничтожен, жалок и смешон, но вместе с тем он и страшен, потому что, запуганный и жалкий, он напоминает окружающим об ужасе своей эпохи и вызывает трепет, затаившийся в сердцах мешанской интеллигенции. Чехов устами рассказчика повести справедливо указал, что смерть преподавателя греческого языка не издается от Беликовых. На месте ушедшего появляется другой, потому что их неизбежно подготавливает эпоха.

В атмосфере пошлости, глупости, запуганности и душевной нечистоты побивают лучшие люди чеховского города. Чехов не изображает героев, идущих на борьбу с окружающим косным миром. Лучшие люди его рассказов — это скорбные врачи, увеченные своим делом, или учителя, которых претит тупость их окружающая. Но, лишённые душевной устойчивости и ясных целей, они с необычайной быстротой отвечают, и разлагающаяся усталость заменяет в них кипение молодых сил. Иванов (в одноименной пьесе Чехова) в 35 лет объявляет себя стариком и опускает скромное звание земского деятеля; «учитель словесности» становится жеманом, как и его жена; Ионыч забывает о своих больных и будет думать лишь о денежных бумажках; доктор Астров (из «Дяди Ваня») сам говорит, что скоро станет таким же пошляком, как и все.

Их незачем жить, людям чеховского города. Лишенные ясных перспектив, они борются за грядущее заменяют бесплодными мечтами о грядущем и в бесконечных раздумьях и монологах, подобно Вершинину из «Трех сестер», говорят о той «новой, счастливой жизни», которая сама придет «через двести, триста, наконец, тысячу лет».

Разоблачая пошлость и трусость русского обывателя и беспомощную метательность старого русского интеллигента, Чехов в последние годы своей жизни пытался создать людей иного душевного строя. Это находилось в связи с постепенным изменением самого Чехова. Биография Чехова свидетельствует об усилении критических элементов в сознании писателя в пору, предшествующую 1905 году. Внешне это проявилось в принципиальном

разрыве с Суворинным, редактором «Нового времени», с которым в течение ряда лет поддерживались приятельские отношения: Чехову стали омерзительны антисемитские статьи реакционной газеты. Примерно к этой поро относится отказ Чехова от звания почетного академика: Чехова возмущало запрещение Николая II избрать в академики А. М. Горького.

В эту пору и в творчестве Чехова ощущается напряженная жажда изменений, хотя внешне она проявляется мало. Не случайно, что именно в это время он пишет рассказ «Невеста» — единственный рассказ о волевого человека, который сумел вырваться из затравленной тины провинциального быта. Недаром именно в эту пору он пишет пьесу «Вишневый сад», в которой с небывалой для него остротой показывает внешний (материальный) и внутренний (духовный) распад дворянства.

При всей внешней мягкости чеховской сатиры пьеса показывает полную жизненную неспособленность и душевное разложение людей, явно не нужных для поступательного движения жизни. Без сочувствия относится он и к той ледовой бурундучи, которая приходит на смену ветшающему барству. Все симпатии писателя на стороне молодежи, рвущейся к новой жизни. При всей неопределенности образа Трофимова и при всей напущенности Аня писатель хотел изобразить в «вечном студенте» революционера, а в иной девушке — человека, увлеченного идеями освобождения угнетенной родины.

Чехов в своих рассказах своим острым изображением царской российской действительности, своими горькими раздумьями о пошлости в пороках своей современности способствовал осознанию классовых противоречий эпохи и стремлению к изменению их. И не случайно, что чеховские рассказы не раз цитировали Ленин и Сталин. Огромную социальную роль этих рассказов замечательно вскрыл А. М. Горький, написавший однажды Чехову: «Отрочество вы делаете дело наших маленьких рассказчиков — возбуждает в людях отращивание к этой сонной, полумертвой жизни — чорт бы ее побрал!».

Проф. Б. НЕЙМАН.